

Братья Михалковы, Ван Клиберн и Евгений Стеблов.

Снявшись в фильме «Я шагаю по Москве», Евгений Стеблов проснулся знаменитым. Потом были фильмы «До свиданья, мальчики!», «По семейным обстоятельствам» и другие.

Работа в кино свела его со многими выдающимися артистами, режиссерами, сценаристами. Среди них Никита Михалков, Иннокентий Смоктуновский, Юрий Богатырев, Инна Чурикова, Виктор Павлов, Владимир Ивашов, Савелий Крамаров, Геннадий Шпаликов, Марина Влади... Долгие годы артист работает в Театре им. Моссовета. Здесь его партнерами были Ростислав Плятт, Леонид Марков, Любовь Орлова, Вера Марецкая, Фаина Раневская, Ия Саввина, Маргарита Терехова и другие.

Смешные и трогательные истории, связанные с этими людьми, вы найдете в книге Евгения Стеблова «Против кого дружите?», которая выходит в издательстве «Алгоритм».

НИКИТА

Самая большая дружба

Евгений Стеблов

ОДНА из самых больших, а может быть, и самая большая дружба в моей жизни связывала меня с Никитой Михалковым. Мы и теперь дружны. Судьбы наши переплетены. Да, теперь мы скорее дружны памятью о том, что было меж нами. Дружны ностальгией. В повести «Возвращение к ненаписанному» вывел его Платошей. Сейчас я записываю мемуары. Как было. Как есть. Без вымысла.

ПРОСТЫЕ АКТЕРСКИЕ ПЛАНЫ

...И в студии Театра им. К.С. Станиславского, и на картине «Я шагаю по Москве» мы были знакомы, товариществовали, но не дружили. Дружба началась с «Переклички».

Известный сценарист Даниил Яковлевич Храбровицкий дебютировал в качестве режиссера кинокартиной «Перекличка». Директором фильма был Николай Миронович Слезберг. Личность примечательная. Бывший хозяин фирмы «Тульские самовары». Высокий, похожий на ге-

нерала де Голля, носил французские костюмы (сестра из Парижа присылала), говорил тонким голосом:

— Жена, у вас сколько комнат?

— Две.

— У нас двадцать шесть было. Монгольское посольство теперь.

Все свои капиталы Николай Миронович сдал Советам. Лично Дзержинскому. Феликс Эдмундович деньги оприходовал, спросил:

— А что же с таким состоянием за кордон не махнули?

— Вы поляк, вы меня не поймете,

— ответил Слезберг.

Он был «выкрест», крещеный еврей — православный. И Железный Феликс выписал ему мандат: «Подателя сего не трогать! Председатель ВЧК Дзержинский». И Николая Мироновича не арестовали. Ни в 37-м году, ни в 49-м во время борьбы с «космополитами».

Еще до начала съемок мне позволил заместить Слезберга:

— Куда вам машину прислать?

— В Щукинское училище. А куда ехать?

— На Кропоткинскую.

— Да там два шага, я сам дойду.

— Нет, не надо. За вами заедут.

(Окончание на стр. 14)

Позже я понимаю, что на меня было заложено в смете в два раза больше. Но я очарован. Он не торгуется. Он хозяин фирмы «Тулские самовары». Капиталист по сути и по манере. Он не ловит — он предвидит. Однажды после отснятой тяжелой драматической сцены он встречает меня в коридоре гостиницы: — Женя, вы прекрасно сыграли. Зайдите ко мне.

Захожу. Его супруга, бывшая балерина, предлагает бульон с пирожком собственного приготовления (вечерами они с Николаем Мироновичем играли в порнографические карты и пили бульон. Она гордилась, что он еще нравится молодым женщинам и они ему тоже).

— Это вам, Женя.
Он протягивает мне конверт.
— Что это?
— Прибавка — деньги. Я плачу артисту столько, сколько он стоит!

Николай Миронович никогда не экономил на людях. Он считал, что для этого есть дрова.

Однажды ночью километрах в двадцати от города снимали довольно простые актерские планы, но осложненные операторскими спецэффектами. Приехав на площадку, мы с Никитой залезли в свой «игровой» танк и обнаружили там молоденькую девушку. Кто привез ее и припрятал, она не сознавалась. Первым снимался я. Выглядело это следующим образом: я высовывался по пояс из верхнего люка и говорил свой текст. Со спецэффектами, что-то не очень клеилось, пришлось повозиться. Но это все наверху, с наружной стороны, а внизу, внутри, в танке Никита крутил пашни с очаровательной гостью. Меня отсняли. Пришел Никитин черед работать. Теперь он вылезал из люка, а я, как мот, утешал незнакомку... Тем временем один из осветителей бегал вокруг и тихо стучал по обшивке брони: — Люся, вылезай! Вылезай, я сказал!

Но Люся совсем неплохо устроилась и не собиралась менять кинотерев на осветителя. А он до смерти боялся, что мы пожалуемся на него Слезбергу. Тогда конец — вылетит из экспедиции. Хозяин фирмы «Тулские самовары» терпеть не мог путать дело с бездельем.

Для съемок фильма мы проходили в свободное время краткий курс танкиса. Учились водить наш «Т-34», стреляли боевыми зарядами 75-миллиметрового калибра с капсульным взрывателем. Когда велешь танк, кажется, что «нам нет преград ни в море, ни на суше»! После стрельбища протрешь ветoshью пушку, прыгнешь в «газик» и, поднимая пыльное облако над танкодромом, едешь обедать в столовую для рядового состава. Чувствовали себя настоящими мужиками, воинами, пока один из офицеров не посоветовал:

— Купали бы с офицерами.
— Нет, мы с солдатами! Вместе хотим.
— Ну, смотрите, напрасно. Им ведь солду в харчи подсыпают.
— Зачем?
— От женщин, для облегчения.

Мы играли войну, мы играли в войну. Как человек совершает подвиг? Сознательно или бессознательно? Я считал — бессознательно, порывом, повинувшись нравственному инстинкту. Никита, напротив, был того мнения, что только осознанно. Спорили, горячились, доходили до высокого пафоса.

— За родину! Для родины! — возразал я ему. — А что ты знаешь об этой самой родине. Ты вообще жизни не знаешь. Вырос в аквариуме. А тула же... Тоже мне горьковский Цыганок — взвалил на себя крест. Смотри, как бы не придало. На смерть-то идут без громких слов. Трусят порой, а идут. Вот это и есть подвиг. Пижон!

И если бы не Шавкат Газиев, таджикский актер, механик-водитель нашего танкового экипажа, то Бог знает, чем это могло бы кончиться, потому что Никита уже медленно приподнялся с постели, чтобы ударить меня. Я это почувствовал.

— Эй, эй! Ребята, ребята! — развел нас Шавкат.
И я ушел из Никитино номера, где происходил такой разговор, ушел к себе. Сел за стол. Открыл тетрадку и записал одним махом:

Я к вам пришел, чтобы умыться в купели горькой чистоты, Чтобы в дружбу окреститься.
Другой, я знаю, это ты. Кто ты? Я сам. Я этот нищий, который просит у тебя Поджечь его же теплице, но поджечь тоже я. А вы? Вы совет и свидетель, толкающий меня к себе.
Вы пред собой и мной в ответе за то, что вы открыли мне!

Было два часа ночи. Я лег спать. И ни тогда, ни теперь так до конца и не понял, что написал. Утром во дворе гостиницы я смотрел, как осветители играли в футбол. Подошел Никита. Тихо сказал:

НИКИТА

Евгений Стеблов и Никита Михалков. Кадр из фильма «Я шагаю по Москве». 1964 год.

— Давай дружить!
Так началась наша дружба. Я этого никогда не забуду.

НАСТЯ ВЕРТИНСКАЯ ВЫБРАЛА МИХАЛКОВА

У нас в группе была гримерша. По натуре несколько рассеянная и мечтательная. Поклонница знаменитого эстонского певца Георга Отса. Постоянно выжигала паяльником по дереву его портреты. Случилось так, что она забыла прихватить на съемку глицерин, которым делается пот.

— Ничего, мальчики, я сейчас разведу сладкой водички и нанесу вам тампоном на лица. Волочка подсохнет и лица будут блестеть под глицерин. Не возвращаться же за ним на базу. Ночь-полночь — киселя хлебать. Уж вы не выдавайте меня!

Мы согласились. В этот раз работали с танком, в броне которого были вырезаны специальные отверстия для камер. Предстояло снимать сцену боя, стрелять боевыми зарядами весом двадцать пять килограммов. Пушка в том танке не стреляла с войны. Военный консультант картины генерал-лейтенант Иванов привязал веревку к гашетке, лег за сто метров в окоп, где находилась вся группа, включая режиссера и оператора, дернул веревку — пушка выстрелила. Заверил:

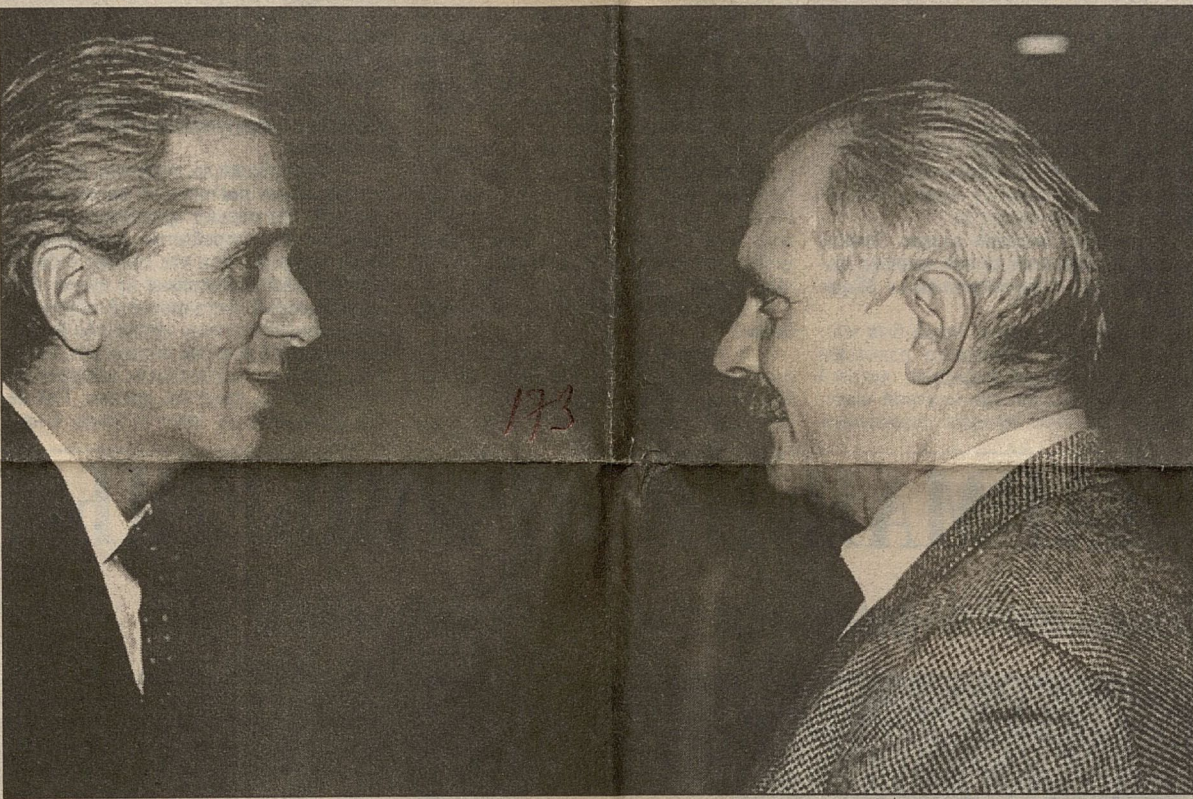
— Порядок. Можно работать.
Чтобы не рисковать лишний раз, снимали сразу три дубля с трех камер. Я сам хлопнул хлопнушкой, взял из крепеления снаряд с капсульным взрывателем, послал его в затвор, крикнул Никите через ларингофон в шлемофон: — Готово!
Он покрутил триплекс-пришел, ответил: — Огонь! — И нажал гашетку.

Раздался оглушительный выстрел. В глазах дым, во рту земля. Ее засасало взрывной волной через отверстия для камер. Из-за них танк оказался разгерметизированным. Все бегут из окопа к нам. Вылезает из люка. Чувствую себя героями. Раздается еще один взрыв. Взрыв смеха. Оказалось, сладкая вода высохла, и наши небритые лица стали похожи на засахаренные маршпановые булочки. Пришлось перегримировать-ся, переснимать. И я уронил 25-килограммовый снаряд с капсульным взрывателем, но он упал на тряпки, на ветoshь и не взорвался. Так Господь сохранил нас с Никитой и дал мне возможность писать эти строки.

В другой раз мы купили новые спиннинги и поехали на рыбалку. Грузовик, который мы голосунили, перевернулся в пути. К счастью — лишь набок. Никита успел выпрыгнуть из кузова, а я уцепился за борт и так и остался, не сразу поняв, что случилось. Опять Бог уберет.

Никита тогда уж любил, я еще нет. Он любил Настю Вертинскую. Андрей Миронов тоже сватался к ней, но она выбрала Михалкова. Он победил. Он всегда стремился к победе. Это всегда для него было очень важно. На пышной, многолюдной свадьбе в гостинице «Националь» Паша — дачный домоуправитель Михалковых — пафосно-громогласно выдохнул: «За любовь!» И начались будни. Счастливые будни. Во всяком случае, так мне казалось, когда я приходил к ним в гости в однокомнатную квартиру, недалеко от метро «Аэропорт». Настя пекла оладьи и подводила глаза «под Вертинскую», если собиралась «на выход». Тогда многие девушки красились «под Вертинскую». «Алые паруса», «Человек-амфибия», «Гамлет» принесли Насте огромную популярность. Они учились вместе с Никитой на одном курсе Шуйского училища, а я на курс старше. С ними на курсе учились парень. Назовем его Д. Его даже выбрали старостой курса. То есть администрация видела в нем опору — надежного и организованного. Но у него была тайная страсть — мечтал сыграть Гамлета. Произведение знал почти наизусть. Раз в общежитии он позвал с кухни девушку:

— Пойдем ко мне. Я тебе «Гамлета» прочитаю. Монолог.
Она не знала его (училась в другом институте, то ли в ГИТИСе, то ли во

Те же, спустя много лет.

МХАТе) и согласилась. Вошли в его комнату, заперли дверь.

— Быть или не быть? Вот в чем вопрос, — залучив, со слезой произнес Д. и попросил: — Раздевайся.

Парень был видный. Она разделась. Он оглядел ее и решил: — Ты — Офелия. Я тебя рисовать буду!

К сожалению, так часто случается в творческих вузах — безумие принимают за талант. После роли Офелии в фильме Григория Козинцева Д. стал преследовать Настю Вертинскую, угрожать ей, и Никите. Говорил, что убьет ее, себя и его. И если бы не Настина мама, которой удалось изолировать Д. в психиатрическую больницу, еще неизвестно, чем бы все кончилось. Вскоре у Нести с Никитой родился Степа. Очаровательный мальчик, но я немножко робел перед ним. В нем сразу был виден начальник, хотя он еще и говорить не умел.

Как-то под вечер на даче Михалковых, что на Николиной Горе, мы с Никитой пили водку и рассуждали о старой России. Никита называл меня «очаровательный принц Ш.» Я мечтательно рассуждал о жизни в усадьбе, о крепостных девушках с крыжовенным вареньем. Теперь в «Неоконченной пьесе для механического пианино» или в «Обломова» узнаю те наши «помещичьи грезы».

Когда мы уже изрядно выпили, приехал на мотоцикле «Ява» внук Корнея Ивановича Чуковского Никита. Он присоединился к застою, к беседе. Засиделся. И уже далеко за полночь Никита предложил: — Поехали!
— Кула?
— Поехали!

Он сел за руль. Митя возражал. Фанат мотоцикла, но понимал, чем это могло кончиться. Но Никита не унимался. Он должен рулить — и все!

Чуковский сел за Никитой, а я за ним. Думаю: в случае чего встану на землю, и «Ява» выедет из-под меня. Маленько трусил. Уже выезжая с участка, путались в трех соснах. В буквальном, не в переносном смысле. Митя все же уговорил Никиту. Сам сел за руль. И сорвались, погнались через поселок к мосту. К Москве-реке. Заборы мелькающих. Недалеко от санатория ЦК партии «Сосны» на повороте рванули по луту к берегу. И не вписались — летим вверх тормашками, через руль — Митя. Я соскочил, как и думал, но зацепило, проволочку. Никиту ударило, придавило меж ног раскаленным картером «Явы». Я полбегал в испуге, оттянул мотоцикл, освободил его. Слава Богу, Митя встал сам. Отделался ушибом руки. В общем, нам повезло. Обратном обрванном, побитые и окровавленные тянули,

как бурлаки, за собой мотоцикл. Километра три в гору. Пытались шутить, но не всегда удачно, так как протрезвели вконец, разом. Я поврал новый костюм. Только надел. Обидно. Я тогда не зря трусил. Я был в «самоволке», без документов, в районе правительственных зданий, рядовой «команды актеров военно-служаших Центрального театра Советской Армии».

А тут, как говорится, в каждом дупле — телефон спецсвязи. Всю ночь Никита заботливо промывал и зализывал раны и мне, и себе. А рано утром, «подбитый», без прав, он мчался на чужом мотоцикле по той же трассе на мост по Рублевке. В Москву. По Кузовскому проспекту. По Садовому. В центр. И никто не остановил его за превышение скорости на правительственном пути. Удивительно, но бывает же такое! Ведь он опаздывал на крестины своего сына. Бог миловал.

ЯЗЫК УЛЬТИМАТУМОВ — НЕ ДЛЯ НЕГО

Никита убеждал меня, что я должен писать. Кое-какие ранние опыты я показал ему. Он говорил, что вкалывать нужно с утра до ночи, а не время от времени, когда найдешь вдохновение. Я же считал, что записи ничего не высились. Тем не менее дома у Михалковых среди уникальных картин сидели мы часто. Прадел Суриков, дед Кончаловский... Такое родство постоянно обязывает к собственным достижениям. Мол, не ударь в грязь лицом. А рядом Андрон, старший брат, его друг и соавтор Андрей Тарковский.

Андрон и Никита всегда были очень привязаны друг к другу, несмотря на различия в их характерах, взглядах. Никита эмоциональнее, чувствительнее, громче, красочнее и мощнее. Андрон рассудительнее, рефлексивнее, глубже, тише, демократичнее. Никита — патриот, почвенник. Андрон — западник. Человек мира. Воля убогих железная. Не всякий сможет, как Андрей Сергеевич Кончаловский, народный артист России, один из первых режиссеров страны, уже снявший «Первого учителя», «Дворянское гнездо», «Дядю Ваню», «Асю Клячицу», «Романс о влюбленных», «Сибиряку», бросить все, уехать и сделать карьеру в Америке, в Голливуде. С нуля. С ничего. Не всякий сможет. Теперь вот вернулся. Можно сказать, «возвращение Одиссея». Многие ругали его за фильм «Курочка-Ряба», обвиняли в снобизме, в презрении к родному языку, в извращении над нашей деревней. Показывает, мол, алкоголиками и деградантами простых сельских тружеников. А я позвонил ему и поздравил с прекрасной работой, с замечательной

Еще участвую на актерском, он сделал первую режиссерскую пробу. Поставил как самостоятельную работу отрывок из «Петра Первого» Алексея Толстого. И сам сыграл Петра. Никитин дедушка по материнской линии Петр Кончаловский дружил с Алексеем Толстым. Оба были большие гурманы. И Никита рассказывал, как соревновались они в изготовлении специальных рэзов для ветчины. Кто тоньше нарежет.

Первый свой фильм Никита снял не по моему сценарию, а по моему рассказу. Сценарий написали мы вместе. Но он оставил в титрах в качестве сценариста только меня. Сюжет навеялся мне: крымская экспедиция «До свиданья,

прощай».

— Как вы можете, Сергей Владимирович! Вы — известный писатель, общественный деятель. В Европе, вообще в цивилизованном обществе это выглядит дикостью! Антисемитизм — дикость и атавизм! Вы антисемит!

Сергей Владимирович был явно ошарашен и вилдом Марины, и ее монологом. После ее ухода он еще помолчал некоторое время, а потом сказал:

— Во то-то-то-тоже. Приехала — ест, п-п-п-плет и еще оскорбляет!

Позже выяснилось, что столь резкий выпад Марины объяснялся каким-то нелицеприятным высказыванием Сергея Владимировича во французском посольстве в адрес Лили Брик. Но происхождение синяка осталось неясным.

«ОНА СКАЗАЛА, ЧТО НЕ ЛЮБИТ МЕНЯ...»

Все-таки больше всего на свете мне нравится писать. Только ты, перо и бумага. Никаких посредников. Ни режиссера, ни партнеров, ни драматурга. Я даже времени не замечаю, когда пишу. А пишу редко, крайне редко. Какой-то ступор овладевает мной. Ах, если бы я был графоманом! Если бы ни дня без строчки!.. Нет же, не получается. Мне обязательно нужно, чтобы кто-нибудь меня заставлял, принуждал или же я сам себя связал каким-нибудь обязательством. Жестко. Когда с Никитой работали, он не давал мне ни спуска, ни пролуху. Почти каждый день собирались у него дома. И независимо от того, «шло» или «не шло», шли потом в Дом кино (старый Дом кино), который находился во дворе, под окнами. Прорывались на какую-нибудь кинопробу. Или же отправлялись в ресторан.

— П-п-п-пидете, п-п-п-подонок? — как-то спросил Сергей Владимирович, непонятно — всерьез или нет.

— Пап, ну что ты говоришь? Женя почти не пьет, да и я не злоупотребляю, — улыбнулся Никита.

— А ты молчи. 3-з-зайка-зайка! 3-з-зайка-зайка! — ответил отец.

Удивительным образом в Сергее Владимировиче сочетается изощренность государственного мужа с неподдельной детскостью натуры, звучащей в его стихах.

Наталья Петровна Кончаловская как-то призналась мне, что известные строчки «В этой речке утром рано утонули два барана» сама подсказала Михалкову после семейной ссоры. Наталья Петровна — мудрая женщина, человек большой культуры. Ее авторитет и для Никиты, и для Андрона был непреклонным. Она многое прошла, держала семью. Веролюба. Царствие ей небесное!

Итак, мы шли в ресторан. Рестораны Дома литераторов, Дома композиторов, Дома кино, Дома журналиста, Дома архитектора, Дома актера, Центрального Дома работников искусств, Дома ученых, «Прага», «Арагви»... И география, и биография нескольких поколений творческой интеллигенции советского времени. Материально это почти ничего не стоило. Есть трояк — и ты в полном порядке. Ну а уж с десятикой — кум королю. Можешь, как говорится, «возлежать» в отдельном кабинете. А какие люди встречались! Было что посмотреть и послушать. Как-то в «Арагви», проходя по коридору второго этажа, я услышал торжественно-тревожный голос Левитана: «От Советского информбюро. Сегодня, 22 июня, немецко-фашистские войска вероломно напали...» Заглянул в приоткрытую дверь отдельного кабинета. За столом сидели маршалы и генералы во главе с Юрием Борисовичем Левитаном. Они «проходились» с легендарным диктором всю войну. По всем фронтам. С сорок первого по сорок пятый. «С победой вас, дорогие товарищи!» Полководцы слез не скрывали.

В клубных домах, в их билльярдных, в застольях догирывалось не сыгранное, сочинялось не сочиненное, ложилось не прожитое. Описывать же подробно всю затейливость существования этих творческих приютов вряд ли возможно. Это примерно то же самое, что вести репортаж из операционной. Для неподготовленных, для неспециалистов опасно. Может вызвать шоковое состояние. Недаром соратник Константина Сергеевича Станиславского Леопольд Антонович Сулержицкий говорил: «Все слабости обычного человека прощу я художнику, но ни одной слабости художника не прощу я обычному человеку».

Никита позвонил ночью: — Ты можешь приехать? — Что случилось? — Можешь приехать? — Сейчас приеду.

Я взял такси: — Улиа Воровского.

Он ждал меня в сквере возле Театра киноактера. Растерянно, вопросительно-невыговорливо.

Ключинок может не совпадать. К тому же я человек «отдельный». Мне всегда нужна внутренняя автономия — как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Меня можно увлечь, но увести от себя невозможно. Где сидишь, там и слезишь. Это помимо меня происходит, свисте. И даже порой к моему огорчению. Мы поругались. О чем-то спорили, не помню о чем.

— Тебе надо будет — ты и через меня переступишь, — сказал я ему. Казалось, он вжался спиной в коридорную стенку между прихожей и кабинетом Сергея Владимировича. В глазах у него слезы выступили, и он ответил: — Переступлю!

Я ушел от него по улице Поварской (тогда Воровской). Я обернулся, почувствовал взгляд. Он смотрел на меня из окна, сверху, с последнего этажа... Никита позвонил через день, вечером. Мы продолжали работать за монтажным столом на «Мосфильме». Заканчивали «А я уезжаю домой», его первый фильм. Но что-то напорвалось между нами. Постепенно мы отдалились. Потом его «загребли» в армию, в морскую пехоту, на Дальний Восток...

Не сразу я понял, что был не прав. Не сразу. Прошло время. Мой ортодоксальный идеализм был только предвещением. Вера еще не пришла. «Не суди и не судим будешь!» А я судил. Преправляя жесткий счет. Особенно тем, кого любил. Прижимал к стенке. Загонял в угол. Когда пришел срок переосмыслить, я извинился перед Никитой. Отношения возобновились.

«Раб любви» снимали в Одессе. Я играл Канина — звезду немого кино. Роль небольшая. Требует яркости. Когда роль идет через всю картину, есть пространство для маневра, для нюансов, штрихов, ритмических построений. Локальная роль — любовь с первого взгляда, в ней нет места развитию. Впечатление возникает, как вспышка. Зритель сразу должен принять тебя. У Никиты существовал прототип этого персонажа, герой-любитель немого кино Витольд Полонский. А я вспомнил Слезберга, его тонкий голос. Мне хотелось несоответствия внешних данных внутреннему содержанию. Скрытой трагедии, выраженной в смешном. С таким голосом нечего делать в звуковом кино. Мой Канин понимал это, оправдывался, сочинял: «Раньше я обладал приятным баритоном... Потом простудился, пришел в кино». К тому же я сделал Канина «голубым». То была моя ироничная «месь» Виктосу, его тогда еще скрытому «гормональному» театру. Роман репетировал со мной пьесу Арубозова «Вечерний свет». Ни пьеса, ни роль мне не нравились. Роман репетировал на гастролях нашего театра во Львове и ставил палки в колеса, на сьемки не отпускал. Картина стала событием. И я получил совершенно неожиданный для себя успех.

Ну что так? Шутка, импровизация. Приехал с женой на неделю в Одессу, хотел отдохнуть, заболел, слава Богу, гриппом, так и отсыпался, «не приходя в сознание». Не приходя в сознание от мнительности. Нас поселили в номер, где перед нами жил Николай Пастухов, попавший в больницу по подозрению на холеру. Диагноз не подтвердился. Действительно, слава Богу. Так утагал я свой персонаж в изысканной обреченности уходящей России. Россия, как «великий немой», кричала глазами, звала на помощь всей пластикой века Серебряного перед восходом красной зари большевизма в новом фильме Никиты «Раб любви».

Хуже нет — работать с друзьями. Близкие отношения и производственные не всегда совместимы. У нас случилось. Я не потерял своего друга. Я обрел своего режиссера.

Ошущение некое единения, сочувствования никогда не покидало нас; независимо от того, видимся чаще или реже, работаем вместе или нет, — мы не чужие друг другу. Потому злые слухи, суровые обвинения в адрес Никиты мне всегда неприятны. Не любя человека, не испытывая к нему хотя бы симпатии, ничего в нем понять нельзя. Но и вакханалия подхалимажа, закатного холуйства, часто сопутствующая Михалкову, также меня смущает. И то, и другое унижает моего друга.

Я часто думаю: если бы соединить воедино наши творческие качества, наши энергетические потоки, вот получился бы человек (чуть было не написал «матерый человечек» — известное выражение Ленина). Нет, конечно же, не матерый, но, безусловно, более многомерный художник. Но перст Божий распорядился иначе. Каждый из нас идет своей дорогой. И когда переплетаются в очередной раз наши векторы, мы оба чувствуем нечто необычайное: что-то высокое и трагическое, смешное и sentimentalное, парадоксальное и заветное...